

Diana Luras

ВЛЮБИТЬСЯ
ЗА ОДНО *Лето*

Диана Лурас

Влюбиться за одно лето

<https://litres.ru/74476559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он из города. Она из деревни. Это лето изменит всё.

Денис – студент-экономист, коренной городской парень и обладатель белых кроссовок, которым не место на деревенской дороге. Он отправлен в ссылку в деревню Мокрое, без интернета, без денег, без привычного комфорта. И без шанса на побег.

Варя – та самая «серая мышь» с лекций, которую Денис не замечал в универе. Но в деревне всё иначе: она здесь своя. Уверенная, живая, и, как оказалось, красивая. И именно она становится для него проводником в мир, где ценятся не бренды, а поступки.

Они ругаются, спорят, учатся слышать друг друга. А между ними разгорается то, что не купишь ни за какие деньги. Но впереди – город, друзья, тусовки, и вопрос: можно ли перенести любовь, рождённую под деревенским небом, в каменные джунгли?

История о том, как одно лето может переписать всю жизнь. И о том, что «серая мышь» иногда оказывается самым ярким человеком. #

Содержание

Приятного чтения	4
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Влюбиться за одно лето

Приятного чтения

Глава 1.

В городе всегда пахнет выхлопом от машин и раскаленным асфальтом, а еще – десятками чужих духов в лифте общежития. Я нажала на кнопку седьмого этажа, и по привычке задержала дыхание, мысленно отсчитывая тридцать секунд, пока эта коробочка везет меня наверх. Ровно столько длиться путь, если лифт не застрянет и не придется ждать, пока тебя вытащат, а такие случаи у нас бывали.

Последний экзамен был уже сдан, а это значит, что завтра я сяду в автобус, и через три часа вместо этой смеси химического смога вдохну запах речной воды, зеленой травы и сена. Я держалась за эту мысль, как утопающий за спасательный круг. За весь год я ездила домой всего пару раз, на Новый год и за одеждой по сезону. Все остальные выходные я подрабатывала: выгуливала собак, сидела с пожилыми людьми, с детьми. Заработанных денег вполне хватало на личные расходы и на еду. Но, когда на экзамене по матанализу спросили про пределы, я думала о пределах моего терпения и о том, что бабушка уже, наверное, высадила первые огурцы.

Я училась на биолога. Когда родители заговорили о высшем образовании и начали предлагать варианты, я согласи-

лась лишь на этот. Биология всегда давалась мне легко и была интересной, поэтому и поступила я на бюджет. Учеба давалась достаточно просто, но вот времяпровождение в городе выматывало.

Жила я в общежитии, и летом это жалкое зрелище. Все, у кого есть деньги, снимали квартиры круглогодично, либо уже разъехались. До последнего оставались только мы, вечные студенты с окраин, и те, кому не повезло сдать экзамены с первого раза.

Я дошла до комнаты и сразу принялась собирать чемодан.

– Варька, когда ты уже свалишь? – спросила Лена, соседка по комнате, захлопывая за собой входную дверь. На ее голове красовалось полотенце. – Твоя тоска по навозу настолько мощная, что я физически ощущаю ее в воздухе.

– Завтра в шесть утра автобус, – улыбнулась я. – А ты? Еще здесь?

– Да, одна пересдача, – отмахнулась она.

– Зато сможешь курить в окно и не бояться, что я сдам тебя комендантше.

– Дура, – беззлобно бросила Ленка. Она знала, что я никогда ее не сдам, хоть и не переносу запах сигарет. – Знаешь, я даже завидую тебе немного.

Я вопросительно выгнула бровь, и даже перестала паковать вещи.

– Что? У тебя там речка, малина, тишина да благодать. А я останусь здесь, в душном городе, хоть и поеду к родителям.

Буду работать бариста за копейки.

Я не стала говорить ей, что речка – это еще и комары размером со стрекозу, а тишина нарушается дикими воплями соседского петуха, который может заорать в три часа ночи, потому что у него сбились биологические часы. Так зачем разочаровывать человека?

Я положила последнюю мелочь в чемодан, и посмотрела на его содержимое. Там лежали не шпильки с модными платьями, а пара леггинсов, джинсы, несколько футболок, легкая куртка, и одно единственное платье, но здесь в таком ходить только мусор выбрасывать, потому что оно не трендовое, а обычное голубое в белый горошек, прямо как из фильмов про колхозниц. Хотя, по факту, я и есть колхозница, точнее сказать, деревенская девушка.

Я глянула на свое отражение в темном экране планшета. Волосы собраны в хвостик, на носу очки, они мне и не были нужны, просто так меньше лезут одноклассники, единственный макияж на моем лице – покрашенные и аккуратные брови. В городе я выглядела так, будто у меня аллергия на окружающий мир. Даже мое лицо, казалось, подстраивалось под настроение и всегда было бледным. Если придерживаться такого режима невидимки, то никто не просит помочь с домашними проектами.

Но незаметной получалось быть не всегда. Как-то раз я задела локоть парня, который заставил меня почувствовать себя еще хуже. И это, выражаясь поэтически, оставило след

в моей душе, не самый приятный. С такой нескрываемой безразличностью на меня смотрели впервые. Он окинул меня взглядом, достойным короля, обнаружившего в тронном зале бомжа. Я тогда была готова провалиться сквозь землю, а, казалось бы, невинная ситуация. «Ходячий ужас», – прочитала я тогда в его взгляде.

Денис Морозов. Его фамилия полное отражение его личности. Мне повезло не учиться с ним на одной специальности, но не повезло находиться в одной аудитории на общих лекциях по иностранному языку. Это событие происходило буквально раз в неделю, но осадок оставался до следующего занятия. Спокойные лекции можно было пересчитать по пальцам, и не потому, что он дебоширил или срывал занятия какими-то неадекватными выходками, нет, он просто вел себя так, будто лектор лично виноват в плохой погоде.

Я с силой захлопнула чемодан, разрушая этим шлепком вдруг нахлынувшие мысли. Нет, этот момент этого учебного года завершен, надеюсь, в следующем мне повезет больше и нас наконец-то распределяют по группам, как положено.

Утром я проснулась раньше будильника. Организм сам рвался домой. Я нацепила легкую рубашку, джинсы, благо чемодан был на колесиках, и, не оглядываясь, покинула место моего временного обитания.

Автовокзал был не менее легким испытанием. Тетки с огромными сумками, кричащие дети, собаки и коты, запах

жареных пирожков и бензина. Я купила билет в кассе и заняла место у окна. Через пять минут двигатель автобуса заурчал, как желудок великана во время голодовки.

Первые минут сорок мы просто выбирались из бетонного города. Пробки, светофоры, коробки новостроек, я смотрела в окно и считала этажи. Это было похоже на один сплошной улей, а люди в нем были пчелами.

А потом автобус выехал на трассу, и мир за окном начал меняться.

Сначала были поля, городские – ржавые и заваленные мусором. Потом – настоящие, с зеленой травой, и отливающим на них золотом солнцем, небольшой ветерок гнал по ним волны, и казалось, что они дышат.

Оставшиеся два часа пролетели незаметно. За окном уже начинали мелькать названия поселков и сел, и, наконец, табличка с названием моей деревни. Вот и поворот, ориентир – старый дуб с большим дуплом, в котором, если верить бабе Нюсе, живет наш сторожила – леший.

Автобус, скрипнув тормозами, остановился на небольшой гравийной площадке, которая гордо именовалась «Автостанция».

Я вышла из автобуса, забрала чемодан из багажного отделения, и вдохнула полной грудью запах земли и ветра. Не спертый воздух выхлопных труб, а настоящую чистоту.

– Варя! Привет, красавица!

Дедушка подошел ко мне и обнял своими огромными ру-

чищами. Он у меня был мужчиной ого-го. Я уселась на пассажирское место старенького уазика и сразу была облизана нашим псом Бубликом. Он стоял, виляя хвостом, и переминаясь с лапы на лапу на заднем сиденье и радостно поскуливал. Да, я тоже скучала по этой мордашке.

– Ну, привет, лохматый. – Я повернулась к нему и ласково потрепала за ухом.

– Как доехала? – спросил деда, заводя мотор. Уазик завелся с таким грохотом, что распугал мирно прыгающих по земле воробьев.

– Быстро, удалось даже поспать.

Машина, кряхтя и подпрыгивая на ямах, покатила по улице, я высунула руку из окна, прямо как в современных фильмах, и махала соседям. Теть Зина у колодца, местные мужики у магазина, помахала даже соседской корове Дуне, та в ответ что-то промычала, и с деловым видом продолжила жевать траву.

Вот и наш дом. Небольшой, но у каждого своя комната и один общий зал с кухней. Мама уже стояла на крыльце, а рядом с ней ведро с молоком, за соседским забором было слышно недовольное кудахтанье кур.

– Мам, только не говори, что меня ждет огород, – я нахмурилась, будто недовольна.

– А как ты хотела, доча? Это тебе не курорт, – мама обняла меня крепко-крепко, от нее пахло домашним пирогом. – Мы по тебе скучали, – она поцеловала меня в макушку.

Я зашла в дом, обнялась с бабушкой, позвонила папе, который, как обычно, был в командировке. Но обижаться на него было не за что, он был моряком. Мама поэтому и переехала сюда, как только я родилась. Сначала ей нужна была помощь со мной, а затем и вовсе решила остаться в деревне.

Жизнь начала налаживаться. Здесь я была не «ходячим ужасом», а Варькой, которая в детстве сама козу доила.

– Слышали новость? – мама налила всем чай и отрезала по кусочку пирога, когда мы сели за стол. – К соседям внук приехал.

– Какой внук? – я с наслаждением облизывала вилку.

– Да, говорят, разгильдяй стал страшный. Приехал в белых кроссовках и костюме. Степаныч весь в печали. Парень второй день не выходит из дома, по двору не помогает, обратно в город просится.

Я хмыкнула. Белые кроссовки в деревне – это смело.

– К каким соседям? – не поняла бабушка.

– Да к Кузнецовым нашим!

«Кузнецо-овым», – протянула я в голове. Я знала их, достаточно приветливые люди, мама часто обменивалась с ними вареньем, а Степан Иванович постоянно просил у нас инструменты.

– Мам, – решила спросить и я. – А как зовут этого внука?

– Денис. Вы, кстати, ровесники. Но ты, наверное, и не помнишь его. Вы с ним всего мельком виделись, когда он с матерью приезжал.

– Почему мельком?

– А он глупый был, постоянно в доме сидел.

Я попыталась порыться в своей памяти, вспомнить внука соседей, но там было пусто. В любом случае, мне это не особо интересно. Я собиралась отдохнуть здесь не только от города, но и от городских жителей.

Весь остаток дня я провела в своей комнате, приводила ее в порядок и разбирала чемодан. Вечером вышла во двор и посмотрела на соседский дом. Бублик преданно крутился рядом, я села на крыльцо и задумчиво погладила его по голове.

Денис, в голове почему-то всплыл образ Дениса Морозова, но я быстро отогнала это наваждение. Интересно, как этот городской будет уживаться с местным колоритом и бабой Нюрой? Надеюсь, он подружится хотя бы с комарами, а если нет, то ему придется ох как несладко.

Глава 2.

Обожаю город. Здесь пахнет деньгами, возможностями, и властью, а еще – выхлопом моего БМВ, когда я уезжаю из университета. На протяжении всего учебного года я мог в любой момент сорваться с этих скучных и никому не нужных лекций туда, где меня реально ждут и развлекают: в местный клуб, например, где бармен уже знает, какой коктейль мой любимый, или в тренажерный зал, где мой персональный тренер умоляет не пропускать день ног.

Но сегодня я застрял на консультации, последний экзамен, пересдача. Профессор не захотел брать деньги, слишком правильный. Сейчас он бубнил что-то про безработицу. Сморщенный и чахлый старикан, взял бы деньги и купил подарки внукам, но нет, он оставил без подарка и их и меня.

Я смотрел в окно. На улице солнце плавало остатки моего мозга. Девушки, наконец-то, начинали выгуливать свои платья, и короткие шорты. Лето обещало быть эпичным. Отец готовился к отъезду в командировку на несколько дней, мать с ним за компанию. Хата в моем полном распоряжении. В планах нескончаемые вечеринки, и, возможно, аренда яхты в честь окончания первого курса. Кстати, об учебе, я был не против получать знания, но, делал это исключительно по необходимости, которой, увы, до сих пор не было.

– Морозов! – голос профессора вырвал меня из раздумий.
– Вас пересдача не интересует? Когда вы в последний раз брали в руки ручку?

– Буквально вчера, – лениво ответил я. – Пришлось записать номер девушки, а телефон сел.

По аудитории прошелся смешок, а одна из девушек покраснела и покосилась на меня, ведь я говорил о ней. Профессор что-то возмущенно пробормотал под нос, но промолчал. Сын главного спонсора по капитальному ремонту главного корпуса. Неприкасаемый. Я усмехнулся. Единственный минус в этом, то, что отец не лез в учебу и не угрожал увольнением преподавателям, если у меня не будет хороших оце-

нок за экзамены.

– А сейчас разберем инфляцию издержек, – сказал Соболев, отворачиваясь к доске. – Этот вопрос был на экзамене и будет на пересдаче. – Он заскрипел мелом по доске, рисуя график. – Итак, представим, что цены на ресурсы растут...

– О, прямо как в нашем кафе на Арбате, – тихо хмыкнул я, но профессор услышал.

– Морозов, что-то вы веселы для человека, которому грозит не сдать экзамен снова. Может, выйдете сюда и покажете, что такое инфляция?

Я устало вздохнул, выходить к доске не хотелось, но просто сидеть было скучно. Я встал, демонстративно поправил золотые часы на руке, подошел к доске и взял мел.

Инфляция издержек=бесплатный труд.

Написал я крупными буквами на доске, и стряхнул остатки мела с рук.

– Смотрите, профессор. Вы сейчас бесплатно объясняете мне материал, хотя могли бы брать деньги за консультацию. Ваши издержки – это ваше время, которое вы не можете потратить на семью или подработку. А инфляция – это когда вы понимаете, что через год ваша пенсия обесценится настолько, что даже эти жалкие полчаса станут для вас золотыми. Но вы всё равно будете стоять у доски и рисовать графики для таких, как я, потому что больше никто не даст вам власти, пусть даже над одним Морозовым.

В аудитории воцарилась тишина. Я смотрел на профессо-

ра и видел, как его лицо начинает багроветь, но остановиться уже не мог.

– И да, кстати, вы знали, что существует такое понятие, как «голландская болезнь»? – я продолжил, не дожидаясь ответа. – Так вот, вы, профессор, наша «голландская болезнь», потому что, пока вы здесь бубните, у студентов болит голова.

Я не сразу понял, что натворил, а когда понял, было уже поздно. Соболев медленно снял очки.

– Морозов, – буквально прошипел он на меня. – Вы сейчас же покинете аудиторию, а я звоню ректору и вашему отцу.

И он позвонил.

Вечером я сидел дома и ждал приговора. Отец вернулся на час раньше с работы. Сердце моментально упало куда-то под пол, потому что, когда родитель злился, это не заканчивалось ничем хорошим для меня.

Ко мне в комнату зашла мать и без слов указала, чтобы я спустился. Да, сегодня она тоже была мной недовольна.

Отец сидел в гостиной, в домашнем костюме, который можно было с легкостью надевать на деловые встречи. На журнальном столике перед ним светился открытый ноутбук. Мать села на соседнее кресло, защищать сегодня она меня не будет.

– Сядь, – скомандовал родитель.

Я сел на край дивана напротив. В комнате пахло молнией, не той, легкой, что просто пугает, а той, что ломает крыши.

– Ты совсем debil? Или просто притворяешься? – спокойно спросил отец, хотя это было страшнее крика. – Я вкладываю огромные бабки в место, в котором ты учишься, и плачу за то, что ты учишься, а ты заставляешь меня чувствовать себя идиотом, который не может справиться с поведением сына.

– Пап, я..., – я не знал, что сказать в свое оправдание. Любая попытка сейчас выглядела бы глупо, но я рискнул. – Я просто хотел пошутить.

– Просто пошутить? Знаешь, во что мне вылилась твоя шутка? Ты хоть знаешь, что этот профессор – научный руководитель сына ректора университета? Я говорил, что в твою учебу не лезу, но я отдал огромные бабки сейчас, чтобы тебя не отчислили и закрыли последний экзамен, хотя Соболев до сих пор хочет твоей смерти. И это был первый и последний раз, когда я решаю такие вопросы.

Я молчал, хотелось пить.

– Твои карты заблокированы, все, до единой. Ключи от машины я забираю. Завтра в шесть утра за тобой заедет водитель. Поедешь к деду с бабой в деревню. Будешь жить там до сентября, без интернета, вечеринок и яхт, деньги выдам лишь на карманные расходы. Может это научит тебя думать головой, а не другим местом.

Внутри все сжалось. Это было катастрофой.

– В деревню? А если я откажусь?

– Откажешься, в завещании можешь не искать свое имя.

Разговор окончен. — Он встал, с силой захлопнул ноутбук и ушел.

Я с мольбой в глазах посмотрел на мать, та лишь пожала плечами. В какую нахрен деревню меня собирались отправить? Я знал, что родители отца живут здесь, в Москве, родители матери, стоп, ее предки всегда сами приезжали к нам, хоть и редко, значит, я поеду к ним? Может, все окажется не так уж и плохо, и у них будет лакшери курорт? А как же яхта и вечеринки с друзьями и девчонками? Все это не укладывалось в голове, моя молодость тускнела на глазах, а если не поеду туда, куда сказал отец, еще и лишусь наследства, вот уж чего совсем не хотелось. Смириться с этим было непросто, потому, с этого момента это лето официально считается самым худшим в моей жизни.

Ровно в шесть утра я сидел в машине, возможно в последний раз за это лето в такой дорогой машине, чемодан со шмотками был закинут в багажник, как я думал, я взял все необходимое. Пусть это и деревня, но выглядеть я должен дорого. На мне был белый брендовый спортивный костюм и начищенные до блеска такие же белые кроссовки, которые ослепляли не хуже солнца.

Отец даже не вышел попрощаться, мать же сказала несколько ласковых слов и как ей жаль, что все так сложилось, и что будет скучать. Машина тронулась с места.

Первую часть пути ехал молча, я становился мрачнее

тучи, с каждым новым километром, отделяющим меня от Москвы. Когда по времени оставался ехать где-то час, я не выдержал этой пытки, потому что вид за окном становился все ужаснее.

– Колян, – обратился я к водителю. – Как называется эта дыра, в которую мы едем? Мухосранск строгого режима?

Колян хмыкнул.

– Мокрое.

– Что мокрое? – не понял я, и стал шарить рукой по сиденью и штанам. Не хватало, чтобы еще это белое великолепие заляпалось.

– Это название деревни, – объяснил водитель.

– Ч-чего? – я заикнулся.

Колян молчал. Когда до меня дошло, я сначала подумал, что он так шутит. Но те, кто работают на моего отца в принципе шутить и врать не умеют. Мокрое? Seriously? Это похоже, скорее, на диагноз, чем на название.

Я достал телефон и попытался загуглить, но мобильного интернета не было и в помине. Вид за окном сменился бескрайними полями, потом лесами, затем снова полями, а затем увидел табличку «Мокрое». Черт, реально существует. И дорога сразу стала неровной. Несколько минут мы катили по ней, пока не остановились у кирпичного дома с огромной трубой, торчащей из крыши.

Я вышел из машины, и мои ноги сразу утонули в пыли, я боялся даже глянуть вниз, потому что знал, что кроссовки

уже не белые. Запах травы резко ударил в нос, не пыли и выхлопа, а настоящей травы, а еще...запах навоза? Я стоял перед забором и чувствовал, как жизнь угасает.

– Внучек! – услышал женский голос.

Из калитки ко мне бодро шагала бабушка, за ней дед, они крепко обняли меня, помогли достать чемодан, и я с грустью попрощался с водителем. И тут откуда-то справа с диким лаем на меня вылетело нечто лохматое, похожее на мочалку, оно мчалось прямо на меня, я машинально отшатнулся, и чуть не упал в какой-то куст.

– Бублик, ану домой! – бабушка хлопнула в ладоши прямо перед мордой собаки, та на удивление замерла, склонила голову на бок, высунула язык, а затем развернулась и трусцой побежала в открытую соседскую калитку.

– Соседский пес, – пояснил дед. – Еще подружитесь.

– Не сомневаюсь, – буркнул я, и поплелся за предками в дом.

Глава 3.

Два дня. Два чертовых дня я прожил без интернета. В первый день я просто делал вид, что мне плохо буквально от всего: от местной еды, ведь я привык к другой пище, к более цивилизованной, а не к жареной картошке с котлетами, делал вид, что плохо от запахов, когда один раз вышел на улицу и почуял пьянящий аромат навоза, и тут же забежал обратно, делал вид, что у меня болит спина после кровати, хотя, стоит

признать, матрас был удобным, в общем, старался надавить на жалость, чтоб дед с бабой сами отправили меня домой, но они были непреклонны. Но это все мелочи по сравнению с тем, что у них дома отсутствовал вай-фай! Здесь даже мобильный интернет не хотел подавать признаки жизни!

Это было не просто скукой, я застрял где-то между динозаврами и первобытными людьми. Я начал забывать, как выглядит лента инстаграм. По ночам мне снились уведомления, я просыпался в холодном поту от того, что мне приснился звук входящего сообщения.

Дед с бабушкой жили так, будто на дворе совсем не двадцать первый век. У них в доме стояла печь, самая настоящая печь. Вы когда-нибудь видели печь? Я вот впервые увидел, и сразу сфотографировал этот музейный экспонат для потомков, а потом обшарил весь дом в поисках чего-то похожего на роутер, а в итоге нашел радио, которое слушала бабушка. Можно было смотреть телевизор, но я не фанат погоды и кулинарных каналов, а другого там не показывали.

– Ба, как вы можете жить без интернета?

– Так какой нам этот интернет, у нас вон Нюрка местные новости все знает.

Но я не хотел узнавать местные новости от бабы Нюры, я хотел проверить, не сдох ли мой аккаунт в запрещенной сети, и не забыли ли меня друзья. Я уже представлял, как Леха выкладывает фотографии и сторис с яхты.

Поэтому на третий день я сдался, надел свои несчаст-

ные белые кроссовки, которые уже приобрели благородный пыльный оттенок, и вышел из дома в надежде найти заветные хотя бы две палочки сети.

– Бублик, ану отдай! – раздался девичий голос.

Я посмотрел в том направлении, сквозь подобие чего-то под названием забор, и замер.

С противоположной стороны соседского забора стояла девушка, она вытирала руки о футболку, волосы были распущены, и спадали на плечи светлыми прядями. Она улыбалась, глядя куда-то себе под ноги, на того самого пса, который чуть не сожрал меня два дня назад. Я на секунду замер, и забыл, зачем вообще вышел.

Она повернула голову в мою сторону, улыбка медленно сползла с ее лица. И тут я узнал ее. Та самая серая мышь с английского, которая была похожа на ходячую распродажу вещей с секунд-хенда.

– Твою ж... – выдохнул я.

Она кивнула, кажется, ее звали Варя, а затем развернулась и пошла к своему дому, а лохматое нечто по кличке Бублик пару раз гавкнул на меня и побежал за хозяйкой.

Я стоял, как в голову ударенный, и не знал, что меня бесило больше: то, что я оказался здесь, отсутствие вай-фая, или то, что эта Варя, которая была сейчас без очков, оказалась единственным привлекательным объектом в округе.

Я помахал рукой перед лицом, приходя в себя, вспоминая, зачем вообще вышел из укрытия, и направился на поиски

интернета.

Деревня «Мокрое» встретила меня подозрительно. Точнее, каждая уважающая себя бабка, которая сидела на лавочке провожала меня как конвоир – пристально и молча. Чувствовал себя шпионом, которого раскрыли.

Я шел по улице, вытянув руку наверх, как статуя Свободы. Экран, на удивление показывал список сетей, но все они были с замочком. Закрытые и недоступные. Я пробовал писать стандартные пароли, но все было впустую.

Одна бабка, сидящая на лавке, долго смотрела на меня, а затем выдала:

– Ты чего руку-то задрал? Птицы нагадят, – сказала она.

– Я ищу вай-фай, – ответил я, и опустил уже порядком онемевшую руку.

Я прошел мимо дома с деревянными окнами, сигнала – ноль, мимо дома с просевшим забором – ноль, мимо магазина под названием «Продукты», и телефон завибрировал. Я чуть не завизжал от счастья, открытая сеть. Нажал «Подключиться». Телефон начал думать, а затем выдал «Подключение невозможно. Сеть недоступна».

Я выругался матом так громко, что гуси у соседнего дома разбежались в разные стороны.

Уже с безнадежно опущенными руками, я поплелся обратно домой.

Проходя мимо Вариного забора, я на секунду остановился и присмотрелся.

Варвара сидела на крыльце дома и что-то смотрела в планшете. У нее был планшет! Работающая современная техника, картинка, с движущимся текстом.

Я подошел ближе к забору. Охранная система под названием Бублик тут же принялся тафкать. Я не выдержал.

– Фу! – сказал я самым грубым голосом, на который только был способен.

Бублик лишь лениво зевнул, и повернулся ко мне задом, задрав хвост.

– Варя! – позвал я.

Она подняла глаза. Сейчас на ней был простой голубой сарафан, и волосы уже собраны в хвост, из которого выбивались пряди. Выглядела она сейчас какой-то домашней.

– Чего тебе, Денис? – спросила без особого интереса.

Так, имя мое знает, уже хорошо.

– У тебя интернет есть?

– Есть.

– Дай пароль.

Она отложила планшет в сторону и посмотрела на меня таким взглядом, будто я был нашкодившим котенком.

– С чего бы мне тебе пароль давать?

– В смысле? – не понял я. Обычно, девушки выполняли все мои просьбы сразу. – Тебе жалко, что ли? Или заплатить надо? – я полез в карман, но там обнаружилась лишь тысяча. Я протянул ее ей. – Первоначальный взнос за аренду, остальное – потом.

– Серьезно? Деньги? – она усмехнулась. – Ты же в деревне, а здесь другие ценности.

– Какие еще нахрен ценности? Что вообще может быть ценнее денег? – я начинал злиться. – Тебе картошки надо?

– Нет, всего лишь... – она немного подумала, – воды, – и кивнула в направлении реки. – Принесешь ведро воды из реки, тогда дам пароль.

Я посмотрел на нее, потом повернулся и посмотрел на реку, которая блестела почти в конце улицы, потом снова на нее.

– Это что, приколы такой? Где подвох? У тебя вон колодец во дворе, и в доме вода есть.

– Хочу речной, – она пожала плечами. – Цветы полить надо, или Бублику, тебе-то какое дело? Будет вода – дам пароль.

Я хотел что-то возразить, нагрубить, сказать, что я не но-сильщик, что не собираюсь таскать ведра с водой, и пусть она идет лесом со своей речной водой, но ее взгляд, в нем не было злобы, скорее, веселый интерес, будто она спрашивала меня, смогу ли я, городской, осилить эту задачу. Я понимал, что если откажусь, она будет смотреть на меня как на беспомощного, и это почему-то задело. Видимо, тренировки в зале оказались нужны не только для красивого тела.

– Давай ведро.

Варя улыбнулась, и я про себя отметил, что улыбка у нее красивая, нежная, с легкими ямочками. Она открыла калит-

ку и кивнула на сарай.

– Вон, и поторопись, пароль меняется каждый час.

Не очень смешная шутка. Я схватил ведро и пошел к реке.

Идти было недалеко, я уж подумал, что плевое дело носить ведра. Но когда обратно я шел с полным ведром воды, это недалеко превратилось в ад. Во-первых, невзирая на то, что было лето, и солнце нещадно палило, вода оказалась холодной, во-вторых, она постоянно выплескивалась мне на кроссовки, на мои бело-серые кроссовки, в третьих – ручка, она была железной, и впивалась в ладонь. Буквально через двадцать шагов я начал материться сквозь зубы.

Местные бабки, сидевшие на лавочках, снова провожали меня взглядами, но уже сочувствующими.

– Сынок, ты бы коромысло взял, так сподручней будет, – на полном серьезе сказала одна из них.

– Спасибо, я сам, – скрипнул зубами, меняя руки.

Когда я доплелся до Вариного дома, пот лил с меня семью ручьями, ладони горели, а настроение было хуже, чем в тот день, когда меня привезли сюда. Но я не мог ударить в грязь лицом, выпрямился, и с гордым видом поставил ведро перед Варей.

– Вот, – выдохнул. – Пароль!

Варя набрала воды в ладони и выпила.

– Хорошая вода, от жары самое то. Попробуй.

– Пароль, – закипал я.

Она посмотрела на меня.

– Ты правда думал, что мне нужна вода для цветов или для Бублика?

– А для чего еще?

Она сделала шаг навстречу, от нее пахло цветами и травами, а еще чем-то сладким.

– Я лишь хотела показать тебе, что деньги не всегда важны. И иногда нужно просто что-то сделать для другого человека, даже если это кажется глупым.

Я смотрел на нее и не мог поверить, она послала меня за водой просто так, обвела меня вокруг пальца, использовала.

Варя взяла планшет и показала мне экран.

– Пароль «Bublik2024». Только скорость небольшая, и бабушка после десяти вечера выключает вай-фай из розетки, потому что так безопаснее, – она подняла указательный палец вверх.

Я стоял, как идиот, с мокрыми ногами и странным чувством внутри. Кажется, только что я получил свой самый наглядный урок в жизни.

– Спасибо, – выдавил я через силу. Это слово всегда давалось с трудом.

– Не за что, городской, – она взяла ведро, будто оно было пустое, и пошла наливать воду Бублику, а затем скрылась в доме.

Я остался стоять на улице с телефоном, на экране которого высветилось слово «Подключено».

Примечание – Instagram, Facebook и Meta принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ.

Глава 4.

Пароль сработал.

Честное слово, когда на экране моего телефона замаячили две полоски, я был готов расцеловать даже Бублика. Две полоски, всего две, но они были, связь с современным миром успешно установлена.

Я устроился на своем крыльце, предварительно смахнув с него какого-то жука, похожего на танк с рогами, и открыл инстаграм. Лента загружалась мучительно долгие сорок секунд, но, когда загрузилась, о, это был восторг. Я увидел огни города, машины, и людей в нормальной одежде. Листал и чувствовал, как моя душа рождается заново.

В сообщениях мигала какая-то нереальная цифра, я полез туда, писал Леха, Костя и какие-то девчонки.

Я быстро пролистал, друзья писали:

«Ты где?»

«Реально батя в ссылку отправил?»

«Мы здесь на яхте, ты чего молчишь?»

Надо было как-то обозначить свое существование. Я вспомнил про печь, которую сфотографировал для потомков. Открыл галерею, нашел фотку: белый кирпич, чугунная дверца, стоящая рядом кочерга. Выглядело так, будто я по-

пал на съемки какого-то фильма.

Недолго думая, я выложил фото с подписью: «Одно из чудес света. Кто угадает, получит пожизненный запас деревенского счастья».

Первую минуту была тишина, я даже успел зайти в дом и попить воды, но потом случилась лавина из лайков и комментариев.

Леха: «Это че, печь?»

Костя: «Та, в которой дрова жгут?»

Алена (одногоруппница): «Ты где ее нашел?»

Катя (бывшая): «Выглядит жутковато. А все потому, что ты расстался со мной!»

Я закатил глаза.

Антон (не очень приятный тип): «Ты реально в деревню свалил? Я знал, что ты допрыгаешься».

Затем прилетело сообщение от Лехи в личку: «Сочувствую, бро, держись. Там хоть девушки есть?»

Я хмыкнул и написал ответ: «Есть одна, но она считает меня идиотом и заставляет таскать воду из реки». В ответ прилетел смеющийся смайлик.

Я выложил еще пару фоток: закат, который набрал больше лайков, чем мои фото из клубов, кучу навоза, с подписью «Спа-курорт у деда», и нос Бублика, торчащий из забора. Деревенский контент, оказывается, неплохо залетает, кто бы мог подумать.

Но настоящая находка ждала меня не здесь.

Я открыл ВКонтакте. Зашел в поиск, вбил имя Варвара. Фамилию я не помнил, поэтому просто поставил всю информацию, которую о ней знал. Пролистал десятки, пока не наткнулся на знакомое лицо и тот самый голубой сарафан. Она.

Страница была необычной. Не было никаких селфи с губами-уточками, никаких ванильных статусов. В основном – сохраненные статьи по биологии, смешные картинки с котами, и рецепты.

Я полез исследовать дальше, несколько групп, среди которых одна привлекла мое внимание. Группа с названием «Мокрое. Жизнь вне города». Это было ее творение. Я нажал, внутри – около трехсот подписчиков, недурно, постов за последний год было всего лишь несколько, а два новых были выложены совсем недавно. В основном это были фотографии: утренние туманы над рекой, роса на траве, смешная курица с растопыренными крыльями, кошка, спящая на лавочке, местные бабульки, с подписью: «Главные смотрители деревни».

И она сама. Фотографий было немного, но все они были завораживающими. Вот Варя стоит по колено в реке и смеется, глядя куда-то вдаль, вот она в поле, рядом с коровой, на рогах которой красуется венок из колосков, третья, видимо с ее бабушкой на лавочке возле дома.

Я залип, вот серьезно, залип. Это не были постановочные фото из студий, снятые на профессиональную камеру, с идеальным светом и образом, это была живая, теплая красота.

Я сохранил себе ту фотографию, где она в реке, так, чисто для истории.

Внезапно, лента перестала загружаться, исчез значок вай-фая. Я посмотрел на время – десять вечера. Бабушка Вари, святая женщина, выдернула шнур из розетки ровно в обозначенный час. Я поднялся домой, там было тихо, только дед храпел под какое-то кулинарное шоу в гостиной.

Я тихонько проскользнул к себе в комнату, лег на кровать, уставился в потолок, и почему-то улыбнулся. Деревня, Бублик, вай-фай, который отключается по времени, и девушка, которая заставляет тягать воду из реки просто так, все это было дико неудобно, но почему-то забавно.

Меня разбудил крик.

Нет, не так. Меня **ВЫДЕРНУЛ** из сна дикий вопль существа, которого не должно существовать в природе.

– КУ-КА-РЕ-КУУУ!

Я подскочил на кровати, больно ударившись головой о низко висевшую полку. Сердце отдавало бешеным стуком. Я глянул, за окном было светло, солнце только вставало, и осознал, что забыл закрыть окно на ночь! На настенных часах было пять утра. Пять, мать его утра! В городе в это время только спать ложились.

Я застонал, уронил голову обратно на подушку, в надежде досмотреть сон, в котором я пью коктейль, но красногребешковый петух, эта пернатая сволочь, решил, что одного

раза мало.

– КУ-КА-РЕ-КУУУ!

– Закройся! – проорал я.

На секунду все стихло, а потом я услышал какой-то шум падающего ведра, хлопанье крыльев и кудкудахтанье, а потом...

В мое открытое окно на полной скорости влетело нечто рыжее, пернатое и истеричное. Курица. Живая. Она пролетела над моей кроватью, обронив попутно пару перьев, ударилась о стенку, шлепнулась на пол, и продолжила носиться по комнате с дикими воплями.

За ней в окне показался сначала красный гребень, а затем и голова петуха. Он глянул на меня злобным взглядом, гадко что-то сказал на петушином, и, видимо, решил не продолжать погоню в помещении.

Но курица продолжала метаться по комнате. Она запрыгнула на стол, сбив лампу, наступила на, слава богу, закрытый ноутбук, и, кажется, собралась нести яйца прямо на моем чемодане.

– АААА! – заорал я, вскакивая с постели в одних боксерах. – Пошла вон отсюда!

Я схватил первое, что попало под руку – подушку – и начал размахивать ей, в надежде выкурить курицу из моего помещения в окно. Я орал, курица орала, петух снаружи кудахтал, и, клянусь богом, я слышал тяфкатье Бублика. Полный хаос.

Наконец, после нескольких акробатических пируэтов, курица вылетела обратно в окно, потеряв на подоконнике еще одно перо. Я судорожно выдохнул. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, я откашливался, потому что казалось, что перья попали мне в рот, стоял посреди комнаты со взъерошенными волосами, в которых, судя по всему, застряло еще одно перо, и пытался осознать, что вообще только что произошло.

И тут я услышал смех. Медленно повернул голову. Через забор, с соседского двора на меня смотрела Варя, в руках у нее была миска с чем-то странным, видимо, для Бублика. Пес сидел рядом и тоже пялился на меня.

Она смотрела на меня, на мой обнаженный вид, я видел, как ее глаза немного расширились от удивления, и на секунду забыл о курице.

Ну давай, Морозов, ты же в курсе, что у тебя отличная фигура. Зал три раза в неделю с персональным тренером, питание строго по графику, пусть любитесь.

Я медленно с достоинством расправил плечи, провел рукой по волосам, смахивая перо, надеюсь, это выглядело не как нервный тик, облокотился на подоконник, напрягая мышцы, чтобы они казались рельефней, и улыбнулся своей самой обворожительной улыбкой, от которой таяли девушки.

– Доброе утро, – сказал ласково. – Нравится?

Она перестала смеяться, сделав взгляд серьезным, по-

смотрела сначала на мои плечи, потом снова на меня, и сказала ровным голосом:

– У тебя помет на плече.

Я перевел взгляд с одного плеча на другое. Твою мать, так и было, на правом плече красовалась бело-зеленая жижа. Мое лицо превратилось в кислый лимон, я закрыл пальцами нос.

Варя прыснула, сначала тихо, потом все громче и громче, и уже через секунду хохотала в голос, а ей подгавкивал Бублик, поддерживая хозяйку.

Я стоял с голым торсом, помеченный курицей, и понимал, что все, что я строил из себя всю жизнь, рухнуло в один момент, в глазах единственной девушки, которая меня могла интересоваться в этой дыре.

– Нет, Денис! – крикнула Варя. – Такое даже водой из реки не отмыть, приходи ко мне, дам хозяйственное мыло, реальная вещь.

И ушла, все еще посмеиваясь.

Я закрыл окно, сполз по стене на пол, рядом валялось куриное перо. Надо будет поставить в рамочку, как напоминание о первом позоре.

Ненавижу деревню.

Вру. Уже не совсем.

Примечание – Instagram, Facebook и Meta принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой

на территории РФ.

Глава 5.

После утреннего инцидента с курицей я твердо решил не выходить из дома, даже если начнется апокалипсис. Я отмылся ледяной водой, сменил трусы, привел в порядок волосы, и вернулся в комнату с намерением весь день пролистать ленту и забыться.

Но у моего деда были другие планы.

В девять утра дверь распахнулась без стука, и на пороге возник дед Степан. В руках он держал лопату, и не просто там какую-то садовую из супермаркета, а самую настоящую, с боевым штыком, видимо, для охоты на большого зверя, и с отполированным до блеска черенком.

– Внук, – сказал он тоном, который не предвещал ничего приятного. – Сегодня картошку окучиваем на общем поле за рекой. Собирайся, хватит бока пролеживать.

– Дед, я не умею окучивать. Я даже не знаю, что это за слово такое, и из какого оно словаря.

– Ничего, по ходу дела научишься, все наши будут там, Кузнецовы тоже должны. Не позорь фамилию.

Я хотел было возразить, сказать, что моя фамилия не Кузнецов, и что она ассоциируется не с картошкой, а с элитными высотками в городе, но дед уже вышел, оставив лопату на входе, которую я долго сверлил взглядом.

Ладно, этот день обещает быть веселым. В конце концов, я

спортсмен, с картошкой то я справлюсь, это не железо тягать. Пара взмахов лопатой, и свободен.

Я надел свой лучший спортивный костюм. Синий, с белыми лампасами, из ограниченной коллекции, он стоил, как месячная зарплата моего персонального тренера, но сейчас это было не важно. Важно было показать, что такое стиль, даже на картошке.

Только кроссовки я уже выбрал не первой свежести, и не белого цвета, прогресс.

Я собирался и чувствовал себя рыцарем, который идет завоевывать новые территории, в данном случае – поле с картошкой. С лопатой на плече я вышел из дома и двинулся в сторону реки. Баба Нюра, про которую я уже наслушался от бабушки, сидела на лавочке. Проходя мимо, я вежливо кивнул в знак приветствия.

– Дениска, ты бы хоть кепку надел! Солнце-то печет! Шандарахнет в голову.

Да уж, словечки она подбирать умеет.

– Спасибо, обязательно, – ответил, чтобы она успокоилась. Никакую кепку я, конечно же, надевать не собирался.

Сейчас самое главное – это найти поле. Река, оно должно было быть за рекой, вплавь врятли туда добираются, а значит, должно быть что-то наподобие моста. Когда в прошлый раз я ходил к реке там был просто спуск, поэтому я решил идти просто вдоль воды.

Я шел, но ничего не менялось, не было даже намека на

что-то похожее на мост, а потом и вовсе я уперся в заросли. Дорога раздваивалась. Налево – какие-то старые сараи, направо – тропинка в кусты. Я выбрал направо. Через пять минут тропинка привела меня к покосившемуся нужнику, очень приятно. Я развернулся, дошел до начала пути и пошел налево. Сараи кончились, начался луг с высокой травой, недалеко блестела река, но моста так и не было видно.

Я решил испытать удачу и достал телефон. Навигатор показывал лишь то, что я нахожусь в деревне «Мокрое». Спасибо, кеп, очень информативно.

– Заблудился, городской?

Я обернулся, откуда-то из-за кустов выпрыгнул мальчишка лет десяти, с удочкой на плече. Видимо, мое появление здесь вызвало некий фурор, если даже мальчишки знали, что я городской.

– Не знаешь, где мост через реку?

– А вон, за ветлами, – махнул он рукой. – Только там вчера трактор все перекопал, тебе в этих тапках трудно будет пройти.

Я посмотрел на свои кроссовки, потом на пацана. Хоть они и были из старых новинок, но еще не потеряли своей актуальности.

– Это не тапки, а лимитированная коллекция.

Пацан пожал плечами, и что-то напевая себе под нос, пошел дальше.

Мост оказался не мостом в моем понимании. Это были

просто три широких бревна перекинутых через реку, с прибитыми по бокам досками. Выглядела вся эта конструкция не очень надежно. Я уже прикидывал, какая глубина в этой реке, и далеко ли унесет меня течение. Первый шаг был самым опасным, я несколько раз пнул бревно, все в порядке, оно никуда не делось. Собравшись с духом, я принял этот квест, и пошел по мосту, балансируя лопатой, как канатоходец шестом, и дал себе клятву, что останусь жить на этом поле, разобью лагерь, и буду питаться картошкой.

Поле открылось внезапно. Огромное, бескрайнее, уходящее куда-то к лесу. На нем были ровные ряды зеленой ботвы, а между ними сгорбленные фигуры людей. Человек десять от силы, в основном взрослые мужчины и женщины, но была и парочка молодых.

И среди них, была она.

Варя стояла в дальнем ряду, спиной ко мне, но я узнал ее по волосам. На ней был короткий топ, открывающий плечи, спину и линию рельефного живота. Она легко орудовала лопатой. Ее мышцы двигались плавно, блестя на солнце от влаги, и это было завораживающе.

Я подошел ближе, стараясь не пялиться так откровенно.

– О, городской явился, – усмехнулся кто-то из мужиков.
– Каким концом копать то хоть знаешь?

– Знаю, – ответил я, и стал на свободный ряд.

Варя обернулась, посмотрела на меня с неким удивлением и весельем.

– Ты реально пришел, – сказала.

– Дед попросил, да и делать все равно нечего, – я покосился на свою лопату. – Поможешь? Я никогда раньше не имел дело с картошкой.

Оно отложила тятку, подошла ближе. От нее пахло землей и все так же чем-то сладким.

– Смотри, – она взяла мою лопату и стала рядом. – Вот так подводишь под куст, поднимаешь землю и окучиваешь. Главное – не повредить стебли, и спину держи ровно, а то завтра не встанешь.

Я взял лопату и сделал первую неуклюжую попытку повторить. Варина рука легла на мою, поправляя хватку. Пальцы у нее были теплыми и, на удивление, сильными. Я вздрогнул, она, кажется, тоже. На секунду мы замерли, глядя друг на друга, она отстранилась первой.

– Понял?

– Понял, – соврал я. Я понял лишь только то, что у нее глаза цвета той холодной реки.

Я начал действовать. Первые десять минут все шло даже относительно нормально, я даже приободрился. Старался повторять за Варей, которая работала по соседству. Лопата втыкалась в землю с противным скрежетом, земля летела в разные стороны, я даже немного увлекся и чуть не срубил все под корень, но Варя вовремя поправила.

Но я не учел один момент, то, что сейчас было лето! Солнце поднималось все выше, начиная не греть, а буквально жа-

рить. Вскоре мой дорогой спортивный костюм, который был предназначен для утренних пробежек и походов в зал с кондиционером, стал моей персональной сауной. Я мог бы раздеться, снять футболку, но местные бабульки меня бы не поняли. Пот начал заливать глаза, голову пекло так, что можно было жарить яйца, а ладони горели от лопаты.

Через час мучений я сдался, воткнул лопату в землю, отошел подальше от работающих, и рухнул на траву, раскинув руки в стороны.

– Все, – прохрипел я. – Я умер, передай моим кроссовкам, что я их любил.

Варя перестала работать и посмотрела на меня, потом усмехнулась, подошла и села рядом, протянув мне бутылку с водой. Я жадно припал к горлышку. Клянусь богом, это была самая вкусная вода, которую я когда-либо пил: прохладная, мягкая, живая.

– Тяжело? – спросила Варя.

– Издеваешься? У меня сейчас руки отвалятся, – я посмотрел на свои ладони, на которых уже начинали виднеться мозоли. – Тренажерка по сравнению с вашей картошкой просто детский сад.

Варя засмеялась. Легкий ветер тронул ее волосы, выбивая пряди из хвоста, несколько прилипло к влажному лбу. Она сидела, подобрав ноги и обхватив их руками. Солнце подсвечивало ее загорелую кожу, делая ее почти светящейся.

Я смотрел и понимал, что не могу отвести взгляд. Этот

короткий топ, шорты, чуть выше колен, открытые плечи, талия. У нее было красивое тело. Интересно, она сама знала об этом? И все это без спортзалов и всякой пластики, естественная красота. Девушка, которая ведра полные воды поднимает, будто они ничего не весят, окучивает картошку, и я уверен, что она и дрова колоть умеет.

Мне вдруг захотелось узнать больше о том, какая она, а может, это просто из-за того, что мы здесь практически единственная молодежь?

– Что? – она заметила мой взгляд. – У меня что-то на лице?

– Нет, – я мотнул головой. – Просто ты здесь, другая.

– Другая? И какая я в городе?

– Серая мышь, – вырвалось быстрее, чем успел подумать.

– Блин, прости, я не хотел...

– Все нормально, – она как-то грустно улыбнулась. – Так и есть, в городе я другая, а здесь, здесь я просто дома, мне не надо притворяться.

– Но, ты же учишься в городе, зачем тогда?

– «Без высшего образования – никуда», – так всегда повторяет моя мама. И я это понимаю: город открывает все пути, даёт шанс выбиться в люди. Наверное, моё будущее действительно будет связано с ним. Но ты только посмотри вокруг: на эти поля, на эту зелень, на реку, журчание которой можно слушать бесконечно. Разве можно сравнить бетонные коробки с такой живой красотой? Здесь даже люди другие –

не такие, как там. Может быть, если присмотреться, ты сам увидишь: здесь совсем не так плохо, как кажется.

Она встала, отряхнула шорты от травы и потянулась. Солнце обрисовало ее силуэт, и у меня перехватило дыхание.

– Ладно, отдыхай, а мне нужно закончить, но если надумаешь помочь – я только за, если нет – тоже не страшно, ты уже и так сделал больше, чем я ожидала.

Варя взяла тяпку и пошла обратно, я смотрел на то, как двигаются ее бедра, как стекает капелька пота по мышцам спины, как она легко, без видимых усилий снова принялась за работу.

Я глянул на свою лопату, и мне вдруг захотелось сделать что-то не ради славы, или не ради того, чтобы заплатили, а просто, чтобы эта девушка посмотрела на меня как на парня. Она первая на моем пути, кто не проявляла ко мне интерес, а вот мой в ее сторону, кажется, усиливался.

Я встал, взял лопату, и, преодолевая боль в спине и ладонях вернулся к своему ряду, однако через полчаса все-таки окончательно умер, но Варя улыбнулась мне, и, черт побери, это была красивая улыбка.

Глава 6.

Утром я проснулся с ощущением того, что меня вчера переехал трактор, огромный такой трактор, трактор убийца из фильмов ужасов. Я попытался сесть на кровати и застонал,

спина болела так, будто ее плавил изнутри. Каждая мышца, даже те, о которых я не знал, вопили от обиды. «Что ты с нами сделал, хозяин? Мы думали, максимум – это жим лежа, а ты нас на картошку послал.»

Я сполз с кровати, и, согнувшись, как дед поплелся в ванную. Включил холодную воду, она немного привела в чувство. В зеркало на меня смотрело уставшее лицо деревенского парня, а не богатого городского. Вчера, все-таки, на последнем издыхании, я еще героически окучил полряда, после чего Варя сказала, что с меня хватит. И я был рад впервые послушаться девушку.

Радовало только одно, у меня теперь был интернет, а значит – связь с внешним миром. Дед сказал, что сегодня сложных заданий не будет, и пока могу расслабиться. Я вернулся в комнату и рухнул на кровать. Позже пришла бабушка и намазала спину какой-то вонючей мазью, во имя спасения утопающих, пришлось терпеть этот запах.

Пролистав все новости ВКонтакте, я открыл инстаграм. Сначала не понял. Просто смотрел на цифру уведомлений и тупо моргал. Потом протер глаза и посмотрел снова. Цифра не исчезла. Плюс сто подписчиков за ночь. Чего?!

Я пролистал комментарии под вчерашним постом с козой Маней, который сделал на скорую руку, перед тем как пойти на поле. Люди писали: «Давай еще контента, деревенский мажор!», «Когда покажешь новую достопримечательность?», «Чел, а ты точно городской?». Какая-то девушка на-

писала: «Ты в какой деревне, красавчик?». Еще одна: «А ко-
за свободна? Шучу, меня интересует ее хозяин».

Мой блог, который раньше был стерильным сборищем фотографий из клубов, тренажерки и яхт, внезапно ожил, заиграл новыми красками. Оказывается, деревенский контент не просто залетал, людям было дико интересно наблюдать за тем, как их городской мучается и справляется с новыми условиями жизни. Кто бы мог подумать.

Я набрал новый пост: «Спина болит так, будто я всю ночь разгружал вагоны с цементом. Деревенские люди, если вы здесь есть, как вы справляетесь с этим?». Следом прикрепил свое селфи со страдальческим, но прекрасным лицом на фоне подушки. Отправил, посыпались лайки.

Я улыбнулся, подошел, чтобы открыть окно, и замер.

Соседний двор. Крыльцо Вариного дома. Она как раз вышла. Босиком, в легком белом платье до колен – простом, то ли в цветочек, то ли в горошек, с расстояния не понять. Волосы распущены и слегка спутаны. Она подняла руки вверх, потягиваясь всем телом, и на секунду замерла, поворачиваясь к солнцу.

Я не думал, честно, рука сама потянулась за телефоном. Камера, зум, щелчок. Она не услышала, хотя, мне казалось, что звук был оглушительным.

Глянул на экран, на нем застыла девушка на фоне кирпичного дома, руки подняты к небу, в платье, облегающем фигуру. Лица не было видно, только светлые волосы и линию

подбородка. Это было красиво, будто кадр из кино.

Второй раз за минуту, я не успел подумать, и опубликовал фото с подписью: «Теперь я, кажется, начинаю понимать красоту здешних мест».

Через несколько секунд начался ад.

Леха: «Братан, это кто? Я думал, ты там страдаешь.»

Антон: «Прекрасная незнакомка. Познакомишь с ней?»

«Обойдешься», – огрызнулся про себя.

Какая-то девушка: «Кто это? Ты обещал, что летом со мной будешь тусить.»

Саня: «Ты влюбился, что ли? Неплохо устроился)»

Я листал комментарии и чувствовал, как горят уши. Я не имел права выкладывать ее фото, это вторжение в личное пространство, но лица ведь не видно, никто не поймет, что это Варя. И все же, мне было немного стыдно, и одновременно с этим проснулось какое-то собственническое чувство, что я могу видеть такую красоту каждый день.

Я уже собирался поступить правильно и удалить пост, как в дверь постучали, вошел дед.

– Внук, все, время для отдыха закончилось.

– Дед, у меня спина отваливается, – захныкал я. – Мне нужен покой и желательно массаж.

– Массаж тебе Нюрка сделает, если попросишь, а пока иди в курятник, нужно яйца собрать. Спине твоей ничего не будет, здоровый парень.

– Может, лучше доставку заказать?

Дед посмотрел на меня как на полоумного.

– Ладно, понял, – я сел на кровати, игнорируя спину, но на всякий случай еще раз переспросил. – В курятник? И там петух будет?

– Петух, Денис, он для порядка, ты его не трогай и он не будет, а бабка наша без яиц останется.

Я вспомнил красногребешковую морду, когда этот Петро, да, так звали этого петуха, загнал курицу мне в окно. Но после подвига на поле, я не мог отказать деду, потому что, после моего боевого крещения на картошке, он стал смотреть на меня с уважением, не то, что в первые дни моего пребывания здесь.

– Ладно, давай корзину, или во что там яйца собирать принято?

Я надел свои джоггеры, футболку, с фирменным логотипом, яйца ведь собирать, не навоз кидать, каковы шансы, что я испачкаюсь? и поплелся за дедом для получения рабочего инвентаря. Дед выдал мне плетеную корзинку, и со словами «не разбей» удалился по своим делам.

Курятник находился со стороны моей комнаты, за каким-то сараем. Это было небольшое деревянное сооружение, с сетчатым ограждением, где в пыли вошкались курицы, а на входе, на небольшом навесе сидел ОН.

Петро.

Никогда не видел таких огромных петухов, хотя, может они все такие, Петро стал первым петухом, с которым мне

довелось встретиться. Его красный гребень был похож на зубчатую корону, а его наглые желтые глаза смотрели на меня с презрением, я так и читал в них: «Не лезь, городской, убьет».

– Я только за яйцами, пришел с миром.

Петух отвернулся, давая мне право на сбор белкового продукта.

Я осторожно открыл дверцы и зашел внутрь, первый этап был успешно пройден. В курятнике пахло...курами и сеном. Вдоль стен стояли ящики с соломой – гнезда. В некоторых лежали яйца, в некоторых сидели курицы. Я начал аккуратно собирать их, складывая в корзину, чувствуя себя охотником за сокровищами.

Я набрал уже с десятков, и успокоился, как снаружи услышал громкое «Ку-ка-ре-ку!». Петух, видимо, решил, что мое время истекло, и пора бы и место свое знать.

Я выглянул, если дойдет до драки, то в окружении стен сбежать сложнее. Петро стоял прямо напротив входа, распушив перья, и смотрел прямо на меня.

– Слушай, петушара, – пора было перестать его бояться. – Ты всего лишь птица с завышенным чувством собственной важности. Я на тебя так сейчас посмотрю, что ты сам яйцо снесешь.

Я полностью вышел из курятника, расправил плечи, чтобы казаться больше и устрашающе, спина болела, но я терпел, и сделал шаг к петуху, делая взгляд как можно пугаю-

щим.

Петух наклонил голову набок, и с петушиным ором бросился на меня, признаюсь, так меня еще никто не оскорблял.

Это было как в боевиках, только вместо злых парней была пернатая тварь, весом килограмм пять, с острым клювом и шпорами на лапах. Петух подпрыгнул, замахал крыльями, и попытался клюнуть меня в ногу. Я взвизгнул, признаю, позорно, как девчонка, и рванул к калитке, прижимая корзину к груди, сокровище должно было уцелеть даже ценой моей жизни. Петро рванул за мной, я слышал его воинственные крики за спиной, от этого становилось еще страшнее.

Я вылетел за пределы курятника, захлопнул калитку перед самым его клювом, и так и остался стоять, облокотившись на нее рукой и тяжело дыша. Проверил яйца, одно все-таки треснуло.

– Твою ж... – выдохнул.

– Денис? – раздался голос с другой стороны забора.

Я поднял глаза. Варя стояла, облокотившись на забор, и смотрела сквозь промежутки в нем на меня с выражением лица, которое я назвал бы «смесь жалости, восторга и веселья». На ней уже были джинсовые шорты и простая футболка, хотя я предпочел бы короткий топ, и волосы, собранные в хвост.

– Ты как? – спросила она. Я видел, что ей тяжело сдерживать улыбку.

– Бывало лучше. Просто небольшие разногласия с мест-

ной фауной.

– Я видела. Ты хотел пригрозить Петро и уйти невредимым?

– Ну да, думал, сработает.

– Этому петуху вообще мало кто нравится, а ты еще и городской, но если ты сумеешь побороть этот оборзевший клюв, признаюсь, будешь героем всей деревни.

– И как мне его побороть? – спросил я обреченно.

– Ну, для начала смени одежду. На более...более дешевую. Возьми у деда старую рубашку, например, так будешь больше смахивать на своего.

Она улыбнулась, и в ее глазах заплясали веселые чертики.

– Кстати, – добавила она, чуть понизив голос. – Соседка по общежитию прислала мне скрин с твоим утренним постом.

Я замер. Она говорила про пост с ее силуэтом, черт, и откуда взялась эта соседка.

– Я это, случайно вышло, – забормотал я. – Просто кадр был красивый, рука сама потянулась, блин, я просто...

– Я не боюсь, когда люди смотрят на фотографии, – перебила она, – но только на те, которые захочу опубликовать сама, поэтому, удали пост, пожалуйста.

Я кивнул, добавить было нечего. Молча, при ней удалил пост. Еще пару секунд смотрел на ленту, где только что красовался ее силуэт, и чувствовал себя последним идиотом. Не потому, что выложил, а потому, что не спросил. Она ведь не

разозлилась, а просто попросила, без крика.

Варя ушла, по дороге потрепав Бублика, а я остался стоять с корзиной в руках, с одним разбитым яйцом.

Вечером, лёжа на кровати, я снова открыл её страницу во «ВКонтакте». Группа «Мокрое. Жизнь вне города» жила своей тихой жизнью – новые фото тумана над рекой, подпись «Утро добрым не бывает, оно бывает красивым». Я поставил лайк и сам себе усмехнулся: вот ведь, городской мажор лайкает деревенские рассветы. Затем пару человек спросили про удаленный пост, я ничего не ответил, потому что больше не хотел втягивать ее в это. Все равно, завтра забудут. В ленте так всегда, один пост сменяется другим, вечный круговорот новых обсуждений. Надеюсь, она не перестанет со мной разговаривать, потому что, отчего то безумно захотелось увидеть ее улыбку снова.

Примечание – Instagram, Facebook и Meta принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ.

Глава 7.

Прошло почти две недели с тех пор, как у соседей за забором замаячила фигура в брендовых кроссовках, а мне уже казалось, что я знаю этого мажора всю жизнь. Или, по крайней мере, видела его в таких ситуациях, в которых он предпочел бы не оказываться.

Поначалу казалось, что он сломается. Уедет, сбежит че-

рез леса, втайне вызовет такси и укатит в город, но нет, он остался, и началось шоу под названием «Денис Морозов в мире деревенской реальности».

Я наблюдала за ним из-за забора, с крыльца своего дома, из окна комнаты, и каждый день получала новую порцию смеха. Про его пребывание здесь можно было бы с легкостью снять комедийный фильм. То он пытался включить насос, а тот окатил его ледяной водой. То шел по двору, и забрел в крапиву, потому что не отлипал от телефона. То пытался подоить козу, это вообще было лучшее зрелище, что я видела за последнее время. Он подошел к ней сзади, с кружкой, будто к кулеру с водой, и получил копытом в бедро. И когда ему, наконец, удалось сесть сбоку, то Маня просто ушла от него, задрав хвост. А про его остросюжетные отношения с Петро вообще стоит написать отдельную историю.

В такие моменты он был живым. Не тем надменным мажором с лекций по английскому, который смотрит сквозь тебя, как будто ты пустое место, а обычным парнем, который пытается привыкнуть к новому ритму жизни, с которым раньше не сталкивался. У него пока не особо получается, но он явно старается, хоть и постоянно ворчит. В такие нелепые моменты в нем просыпается что-то мальчишеское.

Я ловила себя на мысли, что начинаю считать его милым, как будто невидимая сила покопалась в моей голове и выбросила оттуда все, что я знала о нем раньше. Честное слово, каждый раз, наблюдая за ним, мое выражение лица станови-

лось слишком мечтательным. Вчера, например, он вышел во двор с лопатой на плече, чтобы помочь Марии Петровне в огороде, и буквально через пять минут у него сломался черенок. Он стоял с двумя половинками в руке, и смотрел на них с таким видом, будто уронил айфон в колодезь, а потом, как ни в чем не бывало, попытался продолжить копать сломанной лопатой. И я хихикнула, не злорадно, а как-то тепло.

И тут же одернула себя.

Варя, очнись, он не милый. Нет, нет, нет. Он просто городской мажор, неумеха, которого почти насильно привезли к нам, и который не умеет держать лопату, и путает грабли с тяпкой. Это еще не делает его хорошим человеком, и уж тем более милым, это делает его беспомощным, а ты слишком добрая, вот и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.